

Геннадий Михайлович Авилов привечал гостя.

Ещё вчерашним вечером, когда огромный красный диск холодного мартовского солнца только-только скрылся за горизонтом, у Новосельцевского подворья заплясал свет автомобильных фар.

— Кого ж на ночь-то глядя к нам занесло? — стоя на крыльце, тревожно вглядывался в другой край Филипповки Авилов. — Никак воры к Сане за поживой наехали. Вот ведь нехристи, совсем уж без страха живут, почти в открытую безобразничают. Спугнуть бы как, — и Геннадий Михайлович протянул руку к выключателю.

Через мгновение его сторона деревни ярко высветилась множеством мощных ламп, развешанных тут и там вокруг авиловского участка. А ещё через минуту в кармане рабочей куртки, второпях брошенной на плечи, зазвонил мобильник.

— Ген, ты дома?

— Саня, ты, что ли?

— Я, Ген, я. Вот приехал кое-чего забрать для дела, а тут, понимаешь, света в хате нет, и наладить не могу, в темноте не понять, в чём причина. Ничего, если до тебя доскочу? Хоть руку пожать.

— Так это, ещё спрашиваешь! Конечно, давай заезжай, — обрадовался неожиданному гостю Геннадий Михайлович. — Только, это, осторожней дамбой смотри, тут у нас бобры безобразят, в нижнем пруду хатку сподобили, а может, и не одну. Есть там среди них один, видал его пару раз, зверюгу, варнак варнаком. Так, паскуда, дамбу пробил точняк посередке, что вода наполовину из пруда сошла. Там земля ползёт, поостерегись гнать-то, помаленечку езжай, с оглядкой, а то, не ровён час, скувыркнёшься в откос.

— Хорошо, Ген, учту. Сейчас и подъеду.

Ну а уж Геннадий Михайлович гостя не упустил, сосватал у себя ночевать. Саша Новосельцев гость

завсегда желанный, с почтением человек, и слушатель на Генины байки, каких ещё поискать. Да и гармонист забойный. Как растянет свою двухрядку да песню родную, добрую, русскую запоёт, слеза сама накапывает. Геннадий Михайлович слёз таких не стыдится, поёт песню, плачет и смеётся потом – как хорошо-то душу отмыл!

И в этот раз Александр в самый раз в Филипповке оказался. Авилов-то уже совсем закис было, почти всю зиму проведя в одиночестве в деревне. Ну, бабка Марина не в счёт. Что с неё, сидит в дому у себя, на улицу нос не высовывает. Только разве когда в морозный солнечный денёк выйдет во двор поправить что-нибудь. Где штакетину набьёт, где снег чуток отгребёт с порога, на большее и сил-то нету. А поговорить с ней надумаешь, всё без толку, молчит да хмурится. Геннадий Михайлович, конечно, ей в зиму помощник первый и снег раскидать, и калитку, сорванную ветром, приладить. Когда дров принесёт, печку растопит, это если бабка Марина болеть налаживается. Тут и за лекарством на центральную усадьбу к фельдшеру, а то и за самим фельдшером на своей «Ниве» мотаться приходится. А так Филипповка пуста. Народ только в лето деревню заполняет. Ну что с него возьмёшь, одно слово – дачники.

Саша Новосельцев тоже из чудных. Приедет к себе по весне, грядку вскопает, навтыкает туда лук-чеснок, а летом ходит, любит, руки от удовольствия потеет.

– Ген, смотри, какой у меня урожай-то нынче наметился, – хвастает Авилову наливающимися луковичками знатный огородник.

– Да уж, – подыгрывает ему Геннадий Михайлович, – как раз по одной на каждый месяц. До следующей весны точно хватит. Проживёшь.

А по правде-то Новосельцеву недосуг землёй заниматься. Он всё больше пишет чего-то днями напролёт, а то и ночами свет в окошке подолгу горит.

И остальные дачники такие же. Одни песни поют-перепевают, другие картины рисуют. Вот Николай Климов, к примеру, спозаранку уже на крыльце. Ноги дальше не ходят, так он сядет на свой табурет и давай Филипповку срисовывать. И так он её родимую выписывает, что любо-дорого. А Андрей Непряхин, тот всё по полям да перелескам бегаёт. У него-то с ногами полный порядок, вот и гоняет как чумной. То в одном месте с кисточками да красками возникнет, то в другом объявится.

А некоторые на гармони играют, но всё больше на гитарах.

Короче, летом в Филипповке весело, и ежу понятно, а вот зимой... И в особенности к апрелю, когда снег плавёт, а поля от льда отходят. По дорогам в это время ни пройти, ни проехать, и в деревне потому полный «гитлер капут» наступает.

Вот Новосельцев в такой момент и рискнул.

– Я уже было подумал, что воры пожаловали, в такое время больше некому, – улыбался гостю Геннадий Михайлович, разливая по стопкам привезённую Новосельцевым водку.

– А что, наезжают, Ген?

– А то. По раз пять-шесть на месяц.

– Что-то часто больно, Ген?

– Почто часто-то, не часто вовсе. Нормально. Сам посуди.

Вокруг Филипповки сколько полуброшенных деревень? Давай считать. Сосновка – раз, Ольховка – два, Речка – три, Конюховка – четыре, Пятихатовка – пять, Румяшино – шесть. Вот тебе с каждой в месяц по разу и объезд как на смотрины.

– Так неужто в каждой деревне воры живут?

– Ну так что ж, живут, как не жить. Колхозов нынче нет, хозяйства – где как, да и берут только тверёзых, что к делу приучены. А молодёжи что, коль ни специальности, ни работы? Вот только и воровать. Вот оне и воруют. У себя в деревне да у соседей. А у нас в Филипповке уж само собой. Пусто же зимой, сам знаешь, нет никого. А в начале-то весны так и вовсе им благодать, и милиция не рискнёт в такую-то кашу-малашу.

– И не страшно тебе, Ген?

– Так чего не страшно, страшно порой. Но Бог милует. Ныне под Новый год наехали на двух машинах уже к вечеру. Вышел к калитке, а оне на меня: «Ну что, старый, деньги маешь, пенсию получил?» – «После праздников обещали, сынки», – отвечаю. «Брешешь, старый, – и по матерному на меня. – Кто там у тебя ещё, может, у них что есть?» А у меня на тот момент во дворе две машины стояло – «Нива» моя верная да женин «Мерс» лупоглазый, сломался перед её отъездом. Я Верку-то на своей вывез, а ейную машину потом откантовать решили, с оказией. Вот этот-то мерс и помог. Вижу, сомневаются оне что-то, ну как бы с опаской поглядывают на тачку забугорную. Я и сообрази: «В дому, – говорю, – прокурорские в гости за мёдом заехали, счас спрошу, есть ли при них для вас гроши какие».

Такое сказанул и в сени – шмыг. А у самого душа в пятки. Счас как за мной ломанутся, а у меня нет никого. Вот уж будет тогда, мама не горюй. Я хоть и крупной мужик, сам знаешь, – показал свои пудовые кулачищи Новосельцеву Геннадий Михайлович, – но всё ж их-то аж семеро. Топор в руки взял, он у меня вон за той дверью всегда стоит, и жду. Через минуту-другую с улицы моторы затарахтели, а потом смолкать стали издали. Храбрости набрался, вышел на порог, а их и след простыл. Только на взгорке, что на Конюховку выходит, свет от фар мелькнул.

– Да уж, Ген, – прищёлкнул языком Новосельцев, – выкрутился ты. Спугнул их знатно, сообразил. Потом-то не приезжали?

– Кто их знает. Может, и приезжали, но к моему дому не лазали.

– Получается, Ген, что не так уж сильно и тревожат вас тут эти воры, всё больше, видать, по пустым дворам шарятся. Так?

– Так-то так, Сань, эти-то особо не достают – воруют, что плохо лежит да что не шибко дорогое, зато уж другие – о-го-го как!

– Это ж кто ещё?

– О-о, Сань, тут целая напасть приключилась. Приселился к нам Чубайс – лихоимец со своей бандой, будь оне неладны, и разорят тут всё кругом.

– К-х, к-х! – закашлялся Новосельцев, поперхнувшись куском тушёнки.

– Ну да, – постучал Новосельцева по спине Геннадий Михайлович, – бобёр-варнак, про которого я давеча сказывал, со всей своей семейкой. Здоровый, гад, мордатый.

– А что Чубайсом-то ты его прозвал?

– Так как же не Чубайс? Именно Чубайс, больше никак. Наглый такой же, как тот, всамделишный, и варнак, каких поискать ещё. Разбойник натуральный. Ты вот, Сань, завтра с утречка-то прогуляйся по деревне, некоторых мест-то и не узнаешь. Вокруг прудков наших пройдишь, полюбуешься, что натворил, супостат, – раскраснелся от возмущения Геннадий Михайлович. – Воду с одного пруда уже наполовину спустил, где ты сегодня проезжал. Рыбы сколько из-за этого сгубил, выморил. А деревьев сколько сничтожил для своих запруд да хаток! Сплошной бурелом.

– И потому Чубайсом ты его?

– Ну а как? Смотри, Сань, вот тебе пересчёт, – стал загибать пальцы Геннадий Михайлович. – Тот Чубайс страну обмишурил своими ваучерами? Обмишурил. Хозяйство, что отцы, деды своим потом и кровью создали, пустил в распыл? Пустил. И наш Чубайс таков же. Мы тут эти пруды всей деревней копали, выстраивали, чтоб и вода для колхоза была, и рыба на столе, и отдых с устатку. Не один год трудились, пока всё до ума довели. А этот лихома-нец пришёл и в одну осень почти половину нашего труда сгубил. Это как? Мы сад кругом прудков садили, растили, а он со своей бандой тепереча всё кромсает, увечит. Ну как тот, настоящий, точная копия. Всё народное под себя подгрести и губят. Ломают ради своих прибылей, ради хаток-дворцов да утех-веселух. Да и в отношении простого люда... Смотри. Вот помнишь, когда всё в тран-тарары покатилося, сколько народу сгнуло? Тысячи тысяч, небось. Кто с пьянства да зелья всякого, кто от безнадёги,

кто от нервов да болезней, а кто и от голода-холода. И у нас тут та ж картина. Наш-то Чубайс сколь рыбы сгубил! Знаешь, какой тут замор был по осени из-за упадка воды? Воняло с недели две на всю деревню, пока птицы да зверьё всякое всю эту гниль не прибрали. Так что верное у нашего варнака имя, самое то.

– А изловить пытались?

– Ну а как же! И капканы ставили, и ловушки, и в засаде с ружьём Иван Макуихин сидел, я его специально вызвонил. Уж он-то по бобрам спец спецом, а и ему не совладать с Чубайсом оказалось. Только молодых изловили двоих, а Чубайса так и не взяли. Хитёр варнак. И злой! Опасный, чёрт. Так он ещё и по подворьям повадился, то ли в отместку, то ли куражится. У кого яблоню-грушу сгубит, у кого к припасам приступится. Глаза завидушие; мало ему прудов, всю деревню подавай, хозяином тут себя выставляет. Ну ничего, я его всё равно подловлю! Не место Чубайсам на нашей земле.

– Ишь ты, как всё подвёл, – восхищённо присвистнул Новосельцев.

– А как, Сань? Эти ж воры всем вора вору. Страшнее-то их и нет никого. Супостаты-разорители. Простой-то вор скрадёт что, урон-то на день-другой. Через неделю или месяц, глядишь, и выправится. А этот, ты вот посмотришь, нагадил так, что и годы пройдут – не наладишь.

– Ты это про кого?

– Да про бобра своего, Чубайса.

– Гляди-ка, Ген, – рассмеялся Новосельцев, – он у тебя уже и свой.

– Ну а то ж, – улыбнулся в ответ Геннадий Михайлович, – чей

же ещё. Свой, варнак, свой. Это тот, что в столицах, может, американский, а наш свой, не забугорный. Вот только как его извести, погубителя, пока придумать не могу.

— А ничего, Ген, не переживай быстро. Скоро лето, в Филипповку со всех сторон ребята наши съедутся, вот тогда всё и решим. Найдём на твоего Чубайса управу всем обществом.

— Вот и хорошо, Сань, вот и хорошо, — разлил по стопкам остатки водки Геннадий Михайлович, — всем миром-то мы его точно прищучим! Против мира-то он пшик один, не извернётся. Вот так бы и в стране, всем миром-то, а, Сань? Глядишь, и извели бы супостатов-лихоимцев под корень. Вот бы так-то! За это и по стопарику не стрёмно!

Наутро проснувшись и позавтракав доброй яичней с салцем, Новосельцев начал разговор о поездке в Румяшино на усадьбу известного писателя, как вдруг неожиданно перевёл тему.

— Ген, или мне показалось, будто проехал кто за окном?

— Не, Сань, не показалось, жигулёк проскочил.

— Жигулёк? — удивился Новосельцев. — А какой модели, Ген?

— Да вроде «пятёрочка».

— Это по такой-то дороге? Герои, видать!

— Да какие герои, Сань, — досадливо отмахнулся Геннадий Михайлович, — воры это обыкновенные.

— Да ты что, откуда знаешь?

— Знаю. Кому ещё тут надобно в такую пору. Я уж все их тачки давно вычислил.

— Так, может, в полицию сразу отзвонить?

— Да ну их! Нет смысла, Саня.

Воры-то наши машины срисовали. Знают, деревня не пустая, лазать не будут. Уехали уже. А полиция... Так пока всколыхнутся, а то и вовсе не пошевелятся. Им эти ребята без интересу, что с них взять. Они ж и тащут-то рухлядь всякую на пару сотен рублей, чтобы на бензин да на выпивку хватило, хороших-то вещей на зиму почти никто не оставляет. Ты ж не оставляешь?

— Нет.

— Вот. А полиция только за теми гоняет, кто разбойничает да ворует по-крупному.

— Ген, если они только мелочь всякую воруют, то откуда у них машины?

— Чего ты, Саня, не машины, название одно! Так купили за копейки у пенсионеров каких, да и добивают их окончательно по нашим бездорогам.

Через час «Нива-Шевроле» Александра Новосельцева вместе с Геннадием Михайловичем выехала из Филипповки в сторону Румяшино. Машина шла полем, изредка заезжая в берёзовую лесополосу. Новосельцев выбирал участки, что не успели раскиснуть под весенним солнцем, и в то же время старался не заехать в сугробы, наметённые за зиму. «Ниву» постоянно бросало из стороны в сторону, и не мудрено — передвигаться приходилось то по прошлогодней пахоте, то по валежнику, скопившемуся у опушек и лесополос. Но Новосельцев мастерски вёл свой внедорожник. И вот когда до трассы оставалось километра два-три, путники одновременно увидели бордовый жигулёнок, плотно засевавший в расплывшемся чернозёме по самое брюхо. Вокруг него бестолково суетились два молодых

парня, уже сильно извозившихся в грязи.

– Во влипли, так влипли. Намертво! Без буксира тут ну никак. Помочь надо бы, – повернулся к водителю Геннадий Михайлович. – Давай, Сань, заворачивай.

«Нива» сбавила обороты и на тихом ходу осторожно подъехала к застрявшему старенькому жигулёнку.

– Чего, парни, завязли, гляжу, вы основательно. Это ж как вам в голову пришло в самую низину заехать, да ещё на такой машине? – обошёл жигулёнок Геннадий Михайлович.

– Да, понимаешь, батя, – обрадовались возможной помощи парни, – мы вроде и не гнали чтоб очень, но вон там, на взгорке, откуда вы подъехали, нас повело. Может, близко к краю подались, ну, и прямо на эту проталину вынесло. А нам нет чтобы тут же движок заглушить да лесин от полосы под колёса натаскать, так мы в обрат ещё и по газам. Ну вот, и полный аншлаг в итоге. Теперь таскай не таскай, один чёрт не поможет. Может, вы подсобите, а, отцы? Подтолкнёте чуток машинку.

– Не, сынки, – покачал головой Геннадий Михайлович, – толкать не станем. Вон мы в каких одеждах, по делу важному едем. А вас толкни – назад возвертайся, мойся, переодевайся. Времени нету и желания.

– И что нам теперь? – сникли парни.

– Как что? Трос доставайте, на подцепе спробуем.

– Ох, точняк, батя, – засмеялся один из парней и повернулся к товарищу. – Колян, давай верёвку.

Колян открыл багажник и, с минуту погромыхав в нём, растерянно произнёс:

– А нету.

– Верёвки нету? – удивлённо уставился на него напарник. – Колян, я ж тебе ещё с вечера заказал приготовить. Припух совсем?

– Отвали, Андрюха, не накатывай! Я что, обо всё мннить должен? Это приготовь, то положи. Я тебе лох, что ли? Сам бы и налаживался, если такой умный. А то привык – Колян это, Колян то!

– Я так понимаю, нету троса, сынки, – насмешливо прищурился Геннадий Михайлович. – Что ж вы этак ездите по бездорогам и буксира не имеете? Эх, молодёжь, учить вас некому. Сань, доставай уж свой, чего теперь.

Новосельцев виновато развёл руками.

– Ген, так и у меня нет.

– Сань, да как же так, а? Я тут этих охломонов костерю, а ты тоже без башки ездешь!

– А мне на Ниве-то трос зачем? Я и так вылезу.

– И как теперь-то? – загрустили парни.

– Ну как, как, – сдвинул на лоб шапку-ушанку Геннадий Михайлович, – а никак. Сидите тут да и кукуйте пока что, нас ждите. Мы счас до деревни проскочим – тракториста какого кликнем, к вам подошлём. А не будет трактора, так трос найдём и сами приедем. Только дела свои ещё сделаем. А не хотите ждать, тогда сами дотопайте до жилья, тут километра полтора до первой хаты будет, рядом почти.

– Не, батя, спасибо, мы подождём, – смахнул ком грязи с капота жигулёнка Андрюха, – вам скорее дадут, а нас могут и подальше куда отправить.

– Ну, тогда ожидайте, – закрыл за собой дверцу «Нивы» Геннадий Михайлович.

– Вы уж, отцы, про нас не забудьте там в суете, а то замёрзнем, как французы под Бородино, – доносилось вслед удаляющейся машине.

– Слышал, Ген, замёрзшие французы под Бородино! – чертыхнулся Новосельцев. – Историк, итить их, чему в школе только учились!

– А может, и не учились, Сань, в школе-то. По ним видать, что на девяностые учиться-то выпало, а кто там на них внимание-то обращал. В других местах их уму-разуму учили, другую науку в головы им втолковывали.

– Так получается, что парни-то эти, те воры, которые мимо нас поутру проскочили?

– Ну, а кто ж ещё? Да и узнал я этого, которого Андрюхой звать. Он нынешней зимой несколько раз кутулся по деревне, видал его.

– Так, может, того, Ген, ну их!

Что, мы им обязаны, что ли? Сам говоришь, что воры, так и чего помогать.

– А воры что, не люди, что ли? Э, нет, Саня, надо помочь. А как же?

– Ген, так ты им поможешь, а они опять тебя за шкирятник?

– Не-е, Сань, не станут, у них тоже совесть своя имеется! Это ж не Чубайс какой, что вовсе без совести. У нормальных воров её никто не отменял. Да и что мы, не русские с тобой, что ли, а, Сань?

– Русские, Ген, конечно, русские!

– Вот то-то и оно, Сань, что русские. А какой же русский-то в беде человека оставит? Да ещё и своего же, такого же русского. Не по-русски будет! Так что поехали по-быстрому дела делать. А то ещё и вправду наши воры замёрзнут, к вечеру-то морозец студёным обещали.